

«В страмне»

Моск. новости. - 1991. - 12 мая (№19). - с. 3

Во мне ничего не происходит.

Читаю — зависть берет: во всех происходит. В одном происходит, в другом. Во мне — ни черта. Возникает вопрос: а чего тогда пишешь? Ответ: именно из зависти.

Вообще еще недавно как раз были иллюзии, что процессы протекают именно внутри меня. Какие-то обольщения и разочарования, приливы и откаты. Теперь понял: это не во мне — это лишь отражения, отзвуки и отголоски выплывающих рубрик. «В мире» и «В стране» отражаются «Во мне». Стих получился... Кстати, очень наша иерархия. Сперва «В мире», потом «В стране», потом в трудовом коллективе, в отряде, в лестничном комитете, а потом уже в личности гражданина. «Я» — демократично последняя буква.

В последней букве ничего не происходит.

Книги читать отучился. Газеты надоели. Телевидение с его Кравченко и с его критиками, и с их криками: «Долой Кравченко и его телевидение!» — осточертели.

Слухи перестали возбуждать. «Говорят, скоро всё начнут приватизировать». «Говорят, скоро не начнут». «Говорят, скоро все кончится и будет переворот». Какой им еще переворот? И так все перевернуто. Ну, перевернуто еще раз. Что изменится?

Социологи шныряют среди прорывов перестройки. «Вы за президента, или вы за его отставку, или вы за Ельцина, или вы за...» Сил нет больше. По мне пусть публично поцелуют друг друга в присутствии понятых.

В языке укрепляются позиции мата и новых слов, смысл которых неясен, но выяснять неохота. Брокер, дилер, лининг, бартер. Или чартер. Неважно, к нам это отношения не имеет. Параллельная жизнь.

Экономисты перестали завораживать. «Что сперва — стабилизировать рупь или сократить дефицит?» Сперва застрелился, потом повесился. Вообще к ужасам помаленьку адаптировался. То есть когда видишь, как там наши бьют наших, а потом, наоборот, свои режут своих, конечно, оторопь еще берет, мороз по коже еще имеет место. Но уже без первозданной свежести. Уже втянулись ужасаться.

В мире — в стране — во мне. Во мне — в стране — в мире. Вот хорошо Ортега сказал, только не наш никарагуанский кореш, а Ортега-и-Гасет, философ: «Я — это Я плюс мои обстоятельства». Меня без обстоятельств не бывает. А время такое — обстоятельства все больше не внутри меня, а снаружи.

«В мире» — происходит. Чего-то там мир жужжит про новый мировой порядок. Премьер чего-то там с канцлером, Шамир чего-то там с Шароном. Или наоборот. В мире все при деле. Мир далеко, страна близко.

«В стране» — очередной последний и решительный. Или решающий. Размежевания и противоборства: «Вы за то, чтобы всем стоять в отдельных суверенных очередях или в обновленной союзной очереди?» Впрочем, можно иначе выбирать: в очередь за продуктами или в очередь за визой. Социалистический выбор.

Наиболее оголтелые носятся с визгами: «Вы за суд над коммунистической партией или вы...» Я против. Я вообще против глупостей, и партию поэтому тоже не люблю. Ни ее не люблю, ни ее судить. Тогда и резерв партии судить надо, комсомол, и профсоюзы — школу коммунизма, и пионеров — смену комсомола, и октябрят привлечь. Скучно, ребята, все мы одна партия...

В стране — во мне... Это уже одно и то же, кажется.

Рубрики можно объединить: «В страмне».

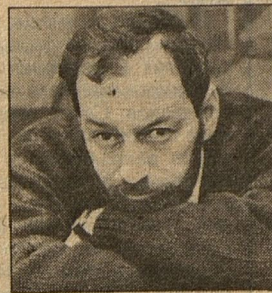
Отличает еще только биология. Еще на хорошеньких оборачиваюсь. Куда идете, девушка? На конкурс красоты. Стать «мисс чего-то» и уехать моделью в Париж. Попутный ветер, девушка.

В ушах застревают обрывки. «Нападки на армию...» «Историю чернят...» «Ленина шельмуют...» За что, правда? Он же предупредил: «Приезжайте к нам через десять лет». Мы не торопились, мы приехали через семьдесят...

Гениальная история — каждый следующий период можно жалеть о предыдущем. Вот народ с теплотой уже вспоминает Николая Ивановича.

В стране — во мне. Страна — мои обстоятельства. Поэтому во мне благодарность бундсверу. Родственникам принесли в дом гуманитарный паек. Ну, правильно, как им в окопах без салфеток? Все в аккуратных коробочках. На коробочках — буквы. Жаль,

ВО МНЕ

Михаил МИШИН,
писатель

не читаю по-немецки. Может, там написано: «За взятие Кенигсберга», «За Берлин»... Так что закусь от побежденных пришла. Во мне другая озабоченность. Врачи говорят, пить нельзя. То есть они и вообще говорят, что нельзя, а тут они еще и в частности сказали, что нельзя, мол. Родился во мне поэтому еще стих — протеста: «Пока есть с кем пить, можно жить. Пока есть с кем жить, можно пить». Хороший стих, по-моему. Надо будет Саше Кабакову прочитать.

Еще во мне печаль: друзья пропадают. Тот куда-то убыл, этот убыл. Убывают друзья наши в разных направлениях. И мы убываем нашими друзьями. Не самый лучший каламбур.

Оставшиеся же при встрече в течение секунды переходят на политику. И говорить нельзя — и не говорить нельзя. «Какой главный результат перестройки?» Болото проснулось. Забулькали пузыри, побежала рябь, зачавкало, захлопало, заухало. «Ого-го-го, болотные! Так боле жить нельзя-а!» Эхо отвечает: «Нельзя-а-а-а...»

Главный результат: сонная абстракция светлого грядущего преобразовалась в живую конкретику: до лета бы дожить. До осени. Перезимовать бы.

Интересно, что при всем этом надежда еще не окочурилась окончательно. Полузадохшаяся, конечно, больничного вида, но вот трепыхается еще во мне.

Интересно даже...

Михаил Мишин

1205.1991